

НУЖДАЕТСЯ ЛИ ТЕОРИЯ ПРАВА В ИДЕЯХ М. ХАЙДЕГГЕРА?

(ответ на полемические замечания проф. А. В. Полякова)

А. В. СТОВБА*

Стовба Алексей Вячеславович,
кандидат юридических наук,
доцент философского факультета
Харьковского национального
университета им. В. Н. Каразина

Статья представляет собой авторский ответ на полемические замечания проф. А. В. Полякова по поводу лекции А. В. Стовбы под названием «Что есть право?». В настоящей статье изложены возражения на критику российского правоведа, а также содержатся основные постулаты темпоральной онтологии права — той концепции, которая является базовой для воззрений, помещенных в обсуждаемой А. В. Поляковым лекции. Кроме того, статья содержит ряд общих размышлений: о соотношении общей теории права и философии права, предмета и метода фундаментального правоведения, роли общей философии для правовой науки и философии права. В ходе ответа на критику А. В. Полякова А. В. Стовба активно обращается к достижениям общеправовой мысли: феноменологии (в том числе респонсивной), экзистенциализму, фундаментальной онтологии, этике Другого (Э. Левинас) и др. Характерной чертой разрабатываемой украинским правоведом темпоральной онтологии

права является акцент на вопросе о бытии права, которое предлагается осмыслить из горизонта правового времени. Таким образом, право мыслится не как некое сущее — идея, норма, закон и пр., а как бытие этого сущего, которое дает ему быть правовым. Взятое в таком аспекте право предстает как своеобразная тяга, возникающая в момент совершения правосоразмерного деяния и притягивающая к нему правовые последствия. Это, в свою очередь, влечет за собой переосмысление ключевой проблемы — нормативности права. Последняя выступает уже не в роли свойства правового сущего (предписывать некое поведение субъекту права), но как способ бытия самого права. В качестве истока бытия права А. В. Стовба предлагает обратиться к особому — правовому — событию, без которого весь массив правового сущего остается мертвым и обездвиженным. Тем самым подход украинского ученого принадежит к направлению так называемого «динамического правовопонимания», активно разрабатываемого в настоящее время на постсоветском пространстве.

* Stovba Aleksey Vyacheslavovich — candidate of legal sciences, associate professor of the philosophical department of the V. N. Karazin Kharkiv National University.

E-mail: stovba34@mail.ru

© Стовба А. В., 2014

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: право, темпоральная онтология права, бытие права, правовое сущее, правовое бытие.

STOVBA A. V. DOES THE THEORY OF LAW NEED M. HEIDEGGER'S IDEAS? (RESPONSE TO POLEMIC COMMENTS OF PROFESSOR A. V. POLYAKOV)

The article contains the author's response to polemic comments of professor A. V. Polyakov regarding A.V. Stovba's lecture entitled "What is Law?". This article sets forth objections to the criticism of the Russian legal scientist and contains the main premises of the temporal ontology of law, the concept which is a basis for opinions given in the lecture discussed by A.V. Polyakov. Moreover, the article contains a number of general reflections about interrelation between theory of law and philosophy of law, a subject and a method of fundamental jurisprudence, the role of general philosophy for legal science and philosophy of law. Replying to A. V. Polyakov's critical remarks, A. V. Stovba actively refers to achievements of the general philosophical thought: phenomenology (including responsive one), existentialism, fundamental ontology, ethics of the Other (E. Levinas) etc. The characteristic feature of the temporal ontology of law developed by the Ukrainian legal scientist is an emphasis on the issue about the existence of law which is perceived in terms of horizon of the legal time. Thus, the law is perceived not as some matter — an idea, norm, statute etc — but rather as existence of this matter which enables it to be a legal one. Viewed in this aspect, the law is a sort of draught which arises at the moment of committing a law-proportionate act and attracts legal consequences to it. In its turn, it leads to rethinking of the key problem – the normative character of law. The latter does not constitute a property of the legal matter (prescribe a certain behaviour to a right holder), but rather a mode of being of law itself. For origins of being of law, A.V. Stovba proposes to refer to a special — concrete — event without which the entire legal matter will remain lifeless and restrained. Thus, the approach of the Ukrainian scientist belongs to the so-called "dynamic law understanding" which is actively being developed currently in the former Soviet Union.

KEYWORDS: law, temporal ontology of law, being of law, legal matter, legal being.

В четвертом номере журнала «Правоведение» за 2013 г. было опубликовано предисловие главного редактора данного журнала проф. А. В. Полякова. Значительная часть этого материала была посвящена критическому разбору моей лекции под названием «Что есть право?», помещенной в том же номере. Так как замечания проф. А. В. Полякова напрямую касаются сути дела, а именно фундамента той философско-правовой позиции, которая выражена в соответствующей лекции, я, воспользовавшись его любезным предложением, постараюсь ответить на упомянутую критику и очертить специфику моей концепции, которая может быть названа темпоральной онтологией права.

В последние несколько лет представители как «классической», так и «неклассической» («постклассической») фундаментальной правовой науки все чаще и чаще задаются вопросом: чем обусловлена именно правовая (а не иная — моральная, религиозная, политическая) идентификация того или иного явления?¹ В той мере, в какой очевидным является то, что

¹ См., напр.: *Рабінович П.* Філософія права: деякі «вічнозелені» наукознавчі сюжети // *Право України.* К., 2011. № 8. С. 15; *Толстик В.* Борьба за содержание права — важнейшее научное направление // *Право України.* К., 2010. № 4. С. 30; *Словба А. В.* Право и событие. Экзистенциально-онтологический анализ // *Российский ежегодник теории права.* № 4. 2011. С. 133–146.

«чисто» правовых явлений не существует, а любой факт, предмет, ситуация обладают спектром возможных значений, каждое из которых может быть актуализировано в зависимости от обстоятельств,² перед правоведами все более настойчиво встает вопрос о пределах и предмете их дисциплины — фундаментальный вопрос о праве.

Фундаментальность этого вопроса заключена в том, что лишь ответ на него позволяет иметь под ногами почву для дальнейших правоведческих разысканий: как для философских и теоретических, так и для отраслевых. Ведь только осмыслив, что именно дает основания «втянуть» тот либо иной феномен в правовую сферу, возможно ответить на вопрос о предмете правоправедения: праве как таковом. Иными словами, лишь получив критерий для размежевания предметного поля исследования с другими, смежными дисциплинами (социологией, политологией, экономикой, этикой и пр.), правоправедение сможет понять, что, собственно, оно исследует.

В свою очередь, сколь всякий предмет требует своего метода, т. е. адекватного способа подхода к нему, столь всякий вопрос о предметной идентификации правоправедения заключает в себе и вопрос о методе. Иными словами, от того, что именно мы будем понимать под правом, зависит то, как именно мы будем подходить к нему. При этом необходимо оговориться, что, поскольку проблемой является не просто содержательное наполнение феномена права, но механизм, алгоритм правовой идентификации того либо иного явления, метод должен быть адекватен не только предмету, но и способу его образования как релевантного в правовом отношении.

Как несложно заметить, подобными факторами обусловлен выход за методологические рамки классической правовой науки — теории права. В отличие от юридического позитивизма либо нормативизма, которые догматически постулировали правовой статус соответствующих явлений, априорно очерчивая сферу правового и направляя свои методологические усилия исключительно на поиск адекватного понятийно-категориального оформления соответствующей (заранее выделенной) предметной области, философия права вынуждена сперва выделить свое поле исследования, отграничивая право от родственных ему явлений (политики, морали, экономики и т. п.). Однако, так как в действительности в одном и том же отношении зачастую одновременно присутствуют и экономическая, и политическая, и правовая, а также ряд иных составляющих, правоправедению необходим такой подход, который был бы способен, во-первых, ухватить целостность того либо иного отношения и, во-вторых, «дистиллировать» его правовой ракурс.

В отличие от теории права, которая является частной наукой, будучи ограниченной в качестве таковой своим особым предметом — правом, взятым как изолированное явление, философия права имеет своим предметом право как целое, т. е. «тотальность права». Когда право являет себя нам, оно закрывает все иные перспективы, охватывая мир в целом. Как указывал немецкий философ М. Хайдеггер, спецификой философского вопрошания является именно то, что оно всегда ведет речь о целом.³ На мой

² Подобные замечания высказывались, в частности, С. И. Максимовым, А. В. Поляковым и в особенности И. Л. Честновым (см., напр.: *Неклассическая философия права: вопросы и ответы. Монография / Максимов С. И., Пермаков Ю. Е., Поляков А. В., Стомба А. В., Честнов И. Л., Четвернин В. А. // Библиотека международного журнала «Проблемы философии права».* 2013. С. 31, 32, 94, 138, 168; *Честнов И. Л. Постклассическое правопонимание.* Краснодар, 2010. С. 7.

³ *Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Хайдеггер М. Время и бытие.* М., 1993. С. 16.

взгляд, если теория права всегда направлена на поиск *сущности* «права в себе» — некоего идеального набора свойств и признаков, позволяющих отличить некое реальное либо воображаемое изолированное явление — право — от неправа, то философия права всегда стремится осмыслить «право в мире» — установить условия возможности того, как вообще может *существовать* нечто такое, как право. А уж раскрыть любое явление с точки зрения условий возможности его бытия — это непосредственная проблема онтологии соответствующей философской дисциплины: социальной онтологии (как возможно существование общества), онтологии права (как возможно бытие права), политической онтологии (как возможно существование власти) и т. п.

Тем самым полемическое заглавие, избранное А. В. Поляковым, полностью оправданно. Действительно, *теория права*, иррелевантная в онтологическом отношении, вообще не нуждается в философии — ни в Хайдеггерской, ни в какой другой, сколь существование права не проблематизируется, а ключевой вопрос сводится к определению сущности права (т. е. набору его сущностных черт). Напротив, *философия права*, как вопрошающая об онтологических условиях его возможности, проще — о бытии права, необходимым образом нуждается в философии как таковой и в философии Хайдеггера в частности, которая, как фундаментальная онтология, сделала бытие своей непосредственной темой.⁴

Упомянутое — основополагающее — разделение между теорией права и философией права является базовым для ответов и на остальные вопросы, адресованные мне питерским правоведом. Так, А. В. Поляков пишет:

Уже в начале лекции А. В. Словба ставит задачу выявить «исток, который порождает правовой статус вещей, отношений и т. п.». По мысли А. В. Словбы всякая вещь, лицо, отношение приобретают «правовой статус исходя из определенного события, “правового поворота”, который переключает реальность в ее правовой ракурс» (с. 180). Отмечу некоторую парадоксальность такого хода мысли: в данном случае возникновение права (приобретение правового статуса) уже предполагает существование «правового» («правового поворота»), т. е. существование «права самого по себе» (но именно эта возможность оспаривалась ученым). Может быть, это небрежность изложения мысли? Но нет. Далее автор конкретизирует свои размышления: «...исккомым истоком правового сущего, откуда оно обретает правовой способ бытия, является правовое событие» (с. 182). Поскольку правовое событие является правовым безотносительно к правовому существу, то, следовательно, правовое здесь предшествует праву.

Для начала следует оговориться, что выражение «правовое событие» отнюдь не следует понимать догматически, как соответствие некоего события, предмета, явления нормам естественного либо позитивного права. Это выражение лишь призвано обозначить тот факт, что произошедшее в ходе определенного события невозможно осмыслить в каком-то ином ключе: моральном, экономическом, религиозном и т. п. Так, например, кража, конечно же, имеет свои моральные, религиозные, экономические и ряд иных аспектов. Вместе с тем лишь *право как соответствующий режим осмысления способно дать четкий ответ на вопрос: что именно произошло, каков смысл происходящего?* Ведь экономика (устанавливающая

⁴ О моей позиции относительно соотношения философии права и теории права более подробно см.: *Неклассическая философия права: вопросы и ответы*. Монография. С. 153 и далее.

факт утраты/приобретения материальных благ), религия (решающая вопрос о загробной участи вора) либо мораль (всегда готовая свергнуть нас в антиномию: *простить вора или осудить его*) способны лишь констатировать факт, но не дать четкого алгоритма действий, позволяющего адекватно осмыслить суть происходящего.

Тем самым тот «правовой поворот» либо «правовое событие», о которых идет речь в моей лекции, являются «правовыми» не в том смысле, в каком предикат («правовой») принадлежит субъекту («повороту» либо «событию»): выражение «правовой» призвано лишь маркировать то обстоятельство, что подобный «поворот» как бы «поворачивает» предметы и явления их правовой стороной и может быть назван «правовым» исключительно в этом смысле.⁵

Кроме того, правовое событие не есть нечто, существующее «до» права как сущего. Называя правовое событие «источком правового сущего», я пытаюсь обратить внимание читателя на тот факт, что всякое сущее получает свой правовой способ бытия (бытие — как доказательства, субъекта права, объекта права собственности и пр.) благодаря вовлеченности в правовое событие. В противном случае мы можем лишь произвольно «привязывать» к сущему правовые предикаты: превращая прогулку с собакой в «реализацию свободы передвижения», встречу с друзьями — в «осуществление права на свободное развитие личности», научную дискуссию «в пользование правом на свободу мнений» и пр.⁶ Спровоцированное деянием, правовое событие продолжает существовать до тех пор, пока упомянутое деяние не встретит соразмерной ему «ре-акции», ответного деяния, которое «исчерпает событие».⁷ Правовое событие и начинается, и оканчивается деянием. Протянув деньги продавцу, мы, совершив деяние, на мгновение «зависаем» в правовом событии, которое оказывается исчерпанным, как только продавец дает нам товар. В этом случае сущее (деньги, товар, мы сами) становится правовым (обретает правовой модус бытия) на тот кратчайший промежуток, который отделяет передачу денег и получение товара. Таким образом, правовое событие как нечто *целое* не существует ни «до», ни «после» правового сущего, но лишь *одновременно с ним*. И в этом состоит особая («точечная») темпоральная природа *правового события*, которая отличает его от континуальности *юридического процесса*. Как пишет польский философ Р. Ингарден, «каждый процесс не только развивается в своих фазах во времени, но также требует времени для конституирования себя. Это не касается события. Оно появляется в бытии сразу как готовое создание, входя как бы одним махом в бытие и уходя из него».⁸

Тем самым частично дается ответ и на следующее замечание А. В. Полякова:

⁵ О правовом повороте более подробно см.: *Стовба А. В.* 1) О перемене сущности, или «Что есть» право в эпоху постметафизики // *Правоведение*. 2008. № 1. С. 162; 2) Право и событие. Экзистенциально-онтологический анализ // *Российский ежегодник теории права*. № 4. 2011. С. 145; *Неклассическая философия права: вопросы и ответы*. С. 138.

⁶ Дополнительную аргументацию данного тезиса см.: *Стовба А. В.* Артур Кауфманн: в поисках «целого» права // *Российский ежегодник теории права*. № 1. 2008. С. 149.

⁷ См. подробнее: *Неклассическая философия права: вопросы и ответы*. Монография. С. 133.

⁸ *Ингарден Р.* Спор о существовании мира. Время и способ существования // *Вопросы философии*. 2006. № 12. С. 160.

Что же такое «правовое событие», существующее до права? Другими словами, что делает какое-либо событие «правовым»? Ответа на этот вопрос нет. Автор лишь утверждает, что событие начинается с деяния — действия или бездействия. Невольно закрадывается мысль — а не является ли декларируемое автором событие всего лишь разновидностью юридического факта — феномена, который давно известен юридической науке и объяснение которого отнюдь не требует прибегать к терминологии Хайдеггера? Стомба дает следующее пояснение: «Разумеется, это не любое деяние. Правовой вопрос способен задать лишь то деяние, которое (пусть на мгновение) заставляет задуматься — как быть дальше? Другими словами, правовое деяние есть то, которое направлено на нас в нашем бытии друг с другом, причем так, что мы сами в конкретном модусе нашего бытия оказываемся поставленными под вопрос» (с. 183).

Как можно видеть из предыдущего ответа, правовое событие отнюдь не существует «до права». Права не существует «вне» или «помимо» правового события. Право сбывается в ходе события. Событие же делает правовым всего лишь невозможность адекватного его осмысления в ином (экономическом, моральном и пр.) режиме. Конечно, мы можем закрыть глаза на суть происходящего и попробовать, например, морально «осудить» либо, наоборот, «простить» преступника. Однако излишне говорить, что из этого будет мало толку.

Отсюда следует и ответ на ремарку А. В. Полякова относительно юридических фактов. Разумеется, любое деяние, релевантное в правовом отношении, можно назвать и так. Однако при этом следует иметь в виду, что в классической теории права факт становится юридическим отнюдь не благодаря своим имманентным свойствам, но исключительно в силу решения законодателя. Тем самым классическая юридическая наука оказывается не в состоянии установить какой-либо объективный механизм правовой идентификации факта, удовлетворяясь чистой воды релятивизмом — произвольным решением законодателя. Напротив, акцент на правовом деянии как том факте, который сам по себе является правовым и тем самым способен придать сопредельному с ним сущему «правовую окраску», позволяет уйти от произвола и релятивизма факта юридического. И здесь возникает вопрос, который весьма уместно задает А. В. Поляков: в чем же состоит правовой характер деяния, от которого оказывается производным правовой статус всего остального сущего? Как пишет сам российский ученый:

Автор (А. В. Стомба. — А. С.), на наш взгляд, приходит к удивительно-мало выводу о том, что любое деяние, которое 1) «направлено на нас в нашем бытии друг с другом» и 2) «заставляет задуматься — как быть дальше» («мы... оказываемся поставленными под вопрос»), является правовым деянием. Мало того, что правовое событие уравнилось с правовым деянием (интересно, являются ли, с точки зрения Стомбы, правовыми событиями такие феномены, как рождение или смерть человека, явно не относящиеся к деяниям?), так еще и критерии правового деяния (фактически — права) оказываются предельно размытыми, т. е. «не лезущими ни в какие ворота». Действительно, ведь и правонарушающее действие «направлено на нас» и «заставляет задуматься — как быть дальше», да и действия в правовом отношении нейтральные вполне могут подходить под обозначенные критерии и быть при этом феноменами морали, политики или просто демонстрацией дружеских отношений.

Ответ на подобное замечание вынуждает нас углубиться в онтологию социальных отношений. Как можно предположить, одним из ключевых

признаков, отличающих право от иных соционормативных феноменов (морали, обычаев и пр.), является его «субъектный состав».

В отличие от теории права, полагающей в качестве мельчайшей социальной единицы индивида, который, вступая во взаимодействие с подобными себе существами, подпадает под правовое регулирование, моя концепция основывается на Хайдеггеровском экзистенциале бытия-с (нем. *Mitsein*).⁹ Разница состоит в том, что если классическая «субъектная» социальная онтология исходит из того, что «вначале» существуют разрозненные индивиды, которые «затем» начинают взаимодействовать между собой, то «бытие-с» предполагает изначальную сопряженность «мы»: не «Робинзонов», плавающих друг к другу в гости, но *людей*, всегда-уже необратимым образом включенных в сеть взаимных отношений.

Актуализация подобной включенности как раз и имеет место в ходе «правового деяния», ставящего под вопрос Другого. В отличие от морали, где всякое деяние и порожденное им отношение завязано на незаменимости и уникальности как Я, так и Других (друзей, родственников и т. д.), в правовом отношении на месте каждого из его участников всегда может оказаться «кто угодно». Поэтому в правовых отношениях мы присутствуем не как уникальные и неповторимые Я, но как взаимозаменяемые Любые (П. Рикер), существующие «как» кто-то (В. Майхофер). Следовательно, правовым деянием под вопрос ставятся не Я либо Ты как личности, но Любой в соответствующем модусе бытия: бытии-продавцом, водителем, врачом и т. д.¹⁰ При этом следует добавить, что конститутивным для «постановки под вопрос» является упомянутый временной разрыв между правовым деянием и его правовыми последствиями (ответной реакцией на них). Этот разрыв во временном отношении может быть и микроскопическим (между протянутыми деньгами и полученным хлебом), и огромным (между занятой суммой и возвратом долга). Однако, несмотря на размеры этого разрыва, он в равной мере ставит под вопрос возможности нашего бытия в соответствующем модусе (покупателя, кредитора и т. п.).¹¹

Тем самым указание А. В. Полякова на то, что и правонарушение в равной мере ставит нас под вопрос, является справедливым. Собственно, именно возможность правонарушения, коренящаяся в деянии, и делает его релевантным в правовом отношении, т. е. порождающим микроскопическое (мелкая бытовая сделка) либо глобальное (тяжкое преступление) правовое событие. Таким образом, уточняя нашу позицию, следует сказать, что деяние делает правовым не соответствие некой позитивной либо естественно-правовой норме, но его способность дать начало релевантному в правовом отношении положению вещей, правовому событию, в котором мы, как Любые, оказываемся «вопросительно выдержаны в возможности небытия» (М. Хайдеггер). И в этом также проявляется ключевое отличие правового (релевантного в правовом отношении) деяния от упомянутых А. В. Поляковым моральных отношений. В морали под вопрос ставимся не мы как Любые, а Я и Ты в нашей уникальной и неповторимой связи, где оба мы являемся незаменимыми.

⁹ Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. С. 117 и далее.

¹⁰ Анализ экзистенциала бытия-как, равноисходного бытию Самости, был принят В. Майхофером (см.: Майхофер В. Право и бытие // *Российский ежегодник теории права*. № 1. 2008. С. 186–259).

¹¹ Подробнее о подобном «разрыве» см.: *Неклассическая философия права: вопросы и ответы*. Монография. С. 135, 138.

Но своеобразие социальной составляющей правовой онтологии отнюдь не исчерпывается заменой уникального индивида на всеобщих Любых. Правовое отношение как отношение между заменимыми Любыми никогда не включает в себя лишь два члена, но всегда предполагает и Третьего, который готов встать на место Любого. Третий не есть (как в классической теории права) просто «арбитр», всегда внешний по отношению к ситуации и выносящий свое авторитетное суждение. Третий как обязательная составляющая правового отношения всегда-уже (в силу возможности указанной субституции) оказывается «задет», «поставлен под вопрос» тем релевантным в правовом отношении деянием, которое «запускает» правовое событие. Как указывает французский философ Э. Левинас, «в мире, где я живу, наряду с первым встречным всегда есть и третий, и он тоже мой другой, мой ближний. Так что мне необходимо знать, кто из них впереди, не является ли один гонителем другого»?¹²

Таким образом, в отличие от классической социальной онтологии теории права, базирующейся на понимании субъекта права как индивида, который, существуя в некий момент времени, «затем» устанавливает связи с другими людьми, темпоральная онтология права берет в качестве исходной точки не субъекта, но сиюбытность (*Dasein*) как бытие-с (*Mitsein*) и бытие-как (*Alssein*), где люди всегда-уже сосуществуют друг с другом как Любые Другие на фоне Третьего. Именно эта всегда-уже включенность в связь с Другими, где на месте меня либо Другого всегда может оказаться Третий, является той исходной социально-онтологической предпосылкой, которая делает возможным правовое деяние. В отличие от этого деяние, например, моральное, всегда предполагает не индифферентных Любых, но незаменимых Я и Ты, поступки которых являются их *личным делом*, исключающим вмешательство Третьего.

При этом, отвечая на замечание А. В. Полякова, необходимо добавить, что с позиций темпоральной онтологии права для того, чтобы быть правовым, деяние вовсе не обязательно должно предполагать *осознание* деятелем правового характера своих действий. Так, например, участники ДТП вообще могут ничего не совершать осознанно: пешеход, стоящий на обочине, в мгновение ока может быть сбит водителем, у которого на секунду отказали тормоза. Но неосознанность, разумеется, ни в коей мере не делает описанный случай иррелевантным в правовом отношении. Точно так же и приведенные А. В. Поляковым примеры — рождение и смерть — конечно же, являются правовыми деяниями (как, например, и зачатие, поскольку данное деяние направлено на Другого, на месте которого может оказаться и Третий), сколь они влекут за собой соответствующие правовые последствия.¹³

¹² Левинас Э. Философия, справедливость и любовь // Левинас Э. Тотальность и бесконечное. М., 2013. С. 356.

¹³ «Классическое» возражение теории права по поводу «вины» как субъективного отношения к происходящему, которое якобы является обязательным для правового характера соответствующего деяния, оказывается несостоятельным. Так, практикующий юрист может сразу вспомнить случаи, когда законом предусмотрена ответственность без вины (например, возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности). Кроме того, следует вспомнить, что в русском языке (так же, как, например, в латыни) «вина» исходно означает не «психическое отношение к содеянному», но «причину» того, что произошло. В этом случае «вина» из феномена психики человека превращается в его способность порождать тот причинно-следственный ряд, который приводит к определенным — правовым — последствиям (нанесению ущерба Другому).

Следовательно, под правовым деянием следует понимать то действие или бездействие, которое направлено на Другого как Любого (на месте которого всегда может оказаться Третий) и каковое (благодаря временному разрыву между деянием и его правовыми последствиями — встречным деянием) ставит под вопрос возможность нашего бытия-с друг другом в соответствующих модусах бытия-как.

Ключевой характер ответного — встречного — деяния для правовой идентификации происходящего признает и А. В. Поляков. Он далее пишет:

В этой идее («встречного деяния» как конститутивного для правового характера происходящего. — А. С.) много верного. Право, как уже было отмечено, существует в отношениях между людьми, причем в таких отношениях, которые, ограничивая произвол человека, дают возможность свободно действовать, реализуя собственные интересы, т. е. становятся правом при определенной корреляции между ними (отношениями). Проблема заключается в том, чтобы определить механизм такой корреляции и ее правовой смысл. А. В. Стомба полагает, что такой смысл возникает при простой констатации факта деяния и непонятно чем обусловленного ответного деяния. Автор все время говорит о соразмерности деяния и его последствиях, о необходимости наступления таких последствий, но нигде не объясняет природу этой соразмерности и необходимости. Поскольку А. В. Стомба не называет объективных и общепризнанных критериев для оценки такого соответствия, то в рамках его концепции остается полагаться в этом вопросе только на субъективные представления участников социального взаимодействия. Вряд ли такой вариант может считаться удачным и работающим в системе отношений, где требуются как раз согласованные действия. Ведь они предполагают некоторое общее понимание и согласие относительно того, что делать можно, а чего делать нельзя, а следовательно, и согласие относительно «соразмерности».

Представляется, что ответ на заданные А. В. Поляковым вопросы о «механизме и правовом смысле» корреляции деяний людей, а также о необходимости правовых последствий и критериях их соразмерности совершенному деянию также лежит в плоскости описанной выше социальной онтологии. Как известно, темпоральная онтология права базируется на том, что право существует как событие, когда навстречу деянию, релевантному в правовом отношении, выступают соразмерные ему правовые последствия (ответное деяние). Сколь этого «ответа» не происходит, право как бы «зависает» в своем бытии, соответственно не сбывается.¹⁴ Таким образом, конститутивным для описания условий возможности «сбывания права» является установление того «механизма и правового смысла» корреляции первичного и ответного деяний, о которых пишет А. В. Поляков. Собственно, вопрос о «механизме» и предполагает обоснование «необходимости», а вопрос о «смысле» — «соразмерности».

Как уже было сказано, темпоральная онтология права исходит из того, что мы никогда не существуем «просто вообще». Напротив, в бытии-с друг другом мы всегда-уже существуем «как» некто: отец, сын, водитель,

Подробнее данные положения развиты в: Стомба А. В. 1) Правосудие: процесс, событие, происшествие? Каузальные ряды вины и приговора // *Российский ежегодник теории права*. № 1. 2008. С. 84–98; 2) Феномен вины як екзистенційна засада правосуддя // *Вісник Львівського університету*. Львів, 2010. Вип. 50. С. 307–312.

¹⁴ Подробнее см.: *Неклассическая философия права: вопросы и ответы*. Монография. С. 133, 138.

пассажир, покупатель, пешеход и др.¹⁵ Однако нужно отметить, что подобный статус не произвольно избран нами, но является «ответом», «реакцией» на определенную ситуацию: мы, например, не можем избрать бытие-программистом в Средневековье и пр.

Кроме того, наш способ бытия всегда-уже оказывается своеобразным «откликом» на запрос, притязание со стороны Другого. Я могу быть пешеходом лишь когда «уже» есть водитель, покупателем — лишь если Другой хочет продать нечто, и т. п. Как указывает немецкий философ, автор концепции респонсивной феноменологии Б. Вальденфельс, Другой как разновидность Чужого воплощается в притязании, на которое мы отвечаем, когда мы отвечаем *нечто*. Это притязание следует понимать двояко. В притязании, которое я воспринимаю как призыв, выдвигают притязания, претензии, о которых пока еще неизвестно, правомерные они или нет.¹⁶

При этом упомянутая «претензия» отнюдь не означает некоего эксплицитного притязания «на нечто»: мое имущество, жизнь и т. п. Речь идет о том, что, так как с момента рождения я попадаю в сеть отношений, где всякий есть «не вообще» но «как некто», я «обречен» отвечать на подобные претензии, в свою очередь неизбежно «становясь» кем-то: ребенком, воспитанником детского сада, школьником и т. п. Как пишет Б. Вальденфельс, Другой всегда встречает меня как Третий. Он пребывает в социальной опосредованности, сколь являет себя как брат, жена, сосед, коллега, согражданин, ровесник, европеец, как ближний мне, который касается меня самого.¹⁷ В данном случае «Третий» не означает некоего «постороннего», который индифферентен по отношению ко мне, будучи произвольно привязан к соответствующим обстоятельствам. Конститутивным для Третьего является ранее уже упомянутая возможность субститутивности, его способность «оказаться на моем месте». Как отмечает Б. Вальденфельс, «Третий обозначает такую точку зрения, которую я занимаю относительно тебя либо меня, когда рассматриваю нас как *кого-то*. Этому Кому-то приписывается определенная роль, функция, работа... В Третьем воплощается член, который в кооперации или состязании направляет нас на определенные цели, подчиняет наше поведение общим правилам и таким образом устанавливает между нами социальную связь».¹⁸

Таким образом, всякий раз я совершаю деяние (действие либо бездействие), релевантное в правовом отношении, будучи не «вообще», но существуя «как» кто-то, т. е. в определенном статусе, когда этот последний являет собой своеобразный «ответ» на притязание со стороны Другого как «Третьего». По словам Б. Вальденфельса, подобный ответ уже предполагает подчиненность нашего поведения определенным правилам. Если мы отвергаем позицию правового позитивизма, когда под «общими правилами» понимается позитивная норма, подчиненность которой есть следствие ее

¹⁵ «Отец» и «сын» (равно, как возможное бытие-как «матери», «внука» и т. п.) в данном случае обозначает не совокупность уникальных и неповторимых отношений «Я — Ты», где каждый из членов отношения является незаменимым, но модусы бытия-как друг с другом, где каждому из этих способов бытия принадлежат соответствующие правомочия (подробнее об этом см.: *Стовба А. В. Право естества: в попытках переосмысления естественного права // Российский ежегодник теории права.* № 2. 2009. С. 87 (примеч.)).

¹⁶ Вальденфельс Б. Топографія Чужого. Студії до феноменології Чужого. К., 2002. С. 102.

¹⁷ Там же. С. 100.

¹⁸ Там же. С. 106.

авторитетного статуса, то что же это за «общие правила», которые предполагают «подчинение» им? Тем более что и А. В. Поляков в своих работах неоднократно подчеркивал, что права нет без подчинения неким общепризнанным правилам.¹⁹

Конечно, право невозможно без типического, повторяющегося поведения, когда мы можем хотя бы примерно предвидеть, какие именно правовые последствия вызовет то или иное деяние. Право невозможно без ограничений, и с этим трудно спорить. Вместе с тем с позиций темпоральной онтологии права роль подобного ограничения несет в себе некая внешняя норма, но тот «Любой», на место которого всегда может заступить Третий и каковой встречен нам не «вообще», но в конкретном модусе бытия-как кого-то.

Конкретизируя сказанное, следует отметить, что деяние Любого, релевантное в правовом отношении (т. е. отвечающее приведенным выше критериям), всегда направлено не в «никуда», но на Другого. В таком — правовом — деянии имманентно всегда присутствует возможность причинения ущерба тому лицу, на которое оно направлено (прямо либо опосредованно). Под ущербом при этом понимается не обязательно физический вред (здоровью, имуществу и пр.). Подобный — правовой — ущерб исходно состоит в том, что пострадавший более не может в полной мере быть тем, кто он есть.²⁰ Иными словами, сколь всякое правовое деяние мы совершаем в конкретном модусе бытия-как, этот последний коррелятивно связан с соответствующими модусами бытия Других как Любых. Соответственно Другой — в праве его естества — и есть та граница как предел дозволенного, который нельзя преступать.²¹

Подробная аргументация данного тезиса изложена в моих работах. Здесь лишь следует отметить, что как подчинение праву, так и причинение ущерба имеют тот общий корень — «чин», который я обозначаю как правомерный способ соотнесения друг-с-другом в соответствующих модусах бытия-как.²² Конечно, конкретный объем правомочий, имманентных тому либо иному способу бытия-как, исторически и культурно обусловлен. Но вместе с тем *механизм* такого общения, как определенный алгоритм действий, — а именно его мы и пытаемся эксплицировать — оказывается неизменным.

Таким образом, та «необходимость», о которой упоминал А. В. Поляков, есть необходимость действовать «в ответ»: для того чтобы остаться тем, кто ты есть, — избежать ущерба либо восстановить нарушенный статус. Соразмерность же ответного деяния такова, что если оно соразмерно первичному, то необходимость дальнейших действий утрачивается: право сбылось. И наоборот — если встречное деяние несоразмерно первичному, оно, в свою очередь, заставляет первичного деятеля прилагать усилия для сохранения своего статуса, т. е. способа бытия-как.

Отсюда, кажется, в основном уже найдено направление ответа и на следующие замечания А. В. Полякова:

Между тем представляется очевидным, что любая «соразмерность» возможна только при наличии «меры», т. е. того, что определяет границы

¹⁹ См., напр.: Поляков А. В. Прощание с классикой, или Как возможна коммуникативная теория права // *Российский ежегодник теории права*. 2008. № 1. С. 17.

²⁰ Подробнее об этом см.: *Столба А. В. Право естества: в попытках переосмысления естественного права*. С. 90 и далее.

²¹ Подробнее см.: Там же. С. 8 и далее.

²² Там же. С. 92 и далее.

возможных действий, их направление и модальность. Такая мера имеет «объективное» значение в том смысле, что она не зависит от индивидуальных предпочтений участников правового взаимодействия и выступает по отношению к ним «внешним» авторитетным источником наших знаний о «соразмерности», а также о «правовом» и «неправовом». Почему, например, убийство одним человеком другого человека влечет ответственное деяние в виде наказания такого лица? Какая соразмерность здесь заложена? На наш взгляд, она определяется историческими предпосылками и культурными условиями жизни общества, которые и легитимируют определенную норму, такую соразмерность устанавливающую и существующую через определенные правовые тексты. Именно поэтому в одних обществах соразмерным убийству последствием считают смертную казнь, а в других обществах — лишение свободы или возмещение причиненного вреда.

Еще более очевидна необходимость такой общей меры в том случае, если смысл деяния оказывается далек от логики априорной соразмерности ввиду его (деяния) ценностной нейтральности. Например, езда на автомобиле по той или иной стороне улицы не может рассматриваться как деяние, неминуемо влекущее необходимые последствия, если отсутствует общая и убедительная для всех мера, позволяющая судить о том, как должны двигаться по дорогам транспортные средства, какую половину дороги выбирать для движения — левую или правую.

В данном пассаже А. В. Поляков дает весьма удачное, на наш взгляд, определение меры в правовом ключе, как того, что «определяет границы возможных действий, их направление и модальность». Человеку, воспитанному на определениях классической теории права, показалось бы странным, если бы эта мера могла быть выражена в чем-то ином, помимо нормы. Однако в рамках темпоральной онтологии права, как уже было сказано, на место нормы выходит Другой, взятый как Любой: он, существуя в соответствующем модусе бытия-как, и есть тот, кто определяет границы возможных действий, их направление и модальность. Собственно Другой в его естестве (модусе бытия-как) и есть та мера, которая ограничивает нас в нашем бытии-с друг другом.

Конкретизируя данное утверждение, следует отметить, что для того, чтобы быть правовым (т. е. релевантным в правовом отношении), деяние должно быть прямо либо опосредованно направлено на Другого. В противном случае оно не будет иметь никакого правового значения. Но Другой есть и тот, кто ставит предел моим поступкам: ведь очевидно, что если бы я был единственным человеком на Земле, я бы мог творить что угодно. При этом, как уже неоднократно подчеркивалось, конститутивным для правового характера направленного на Другого деяния является фигура Третьего как того, кто в любой момент может оказаться на месте Другого. Так, если бы в мире было лишь два человека, права бы не существовало, поскольку на место одного либо Другого никто не мог бы встать, и эти двое были бы обречены на сосуществование в модусе уникальных Я и Ты, которые не нуждались бы в праве.

Однако наиболее интересным является вопрос о модальностях поступков: как именно следует себя вести по отношению к Другому? В своих работах я уже пытался дать ответ на этот вопрос.²³ Здесь я постараюсь вкратце изложить результаты подобных разысканий и немного продвинуться далее. Так, я утверждал, что в нашем бытии-с друг другом мы

²³ Там же. С. 90 и далее.

манифестируем свою сущность как своеобразный «при-каз».²⁴ Это означает, что, с одной стороны, мы кажем-себя не вообще, но «при» определенном деле, существуя «как» некто. Как пишет известный французский философ Э. Левинас, «в мире социальность является коммуникацией либо общностью. Поссориться значит констатировать отсутствие чего-либо общего. Контакт возникает благодаря причастности к чему-либо общему. Люди не находятся просто друг против друга, они пребывают друг с другом вокруг чего-то. Ближний — это сообщник. Я как термин отношения вовсе не теряет в нем своей самости... Все конкретные отношения между людьми в мире заимствуют свой характер у третьего термина. Это общность».²⁵

В то же время существуя «при» деле, мы так или иначе выказываем себя, и в этом казании задаем определенную модальность того, как следует вести себя по отношению к нам. Данная модальность была охарактеризована мною как «чин». Иными словами, каждый из нас задает определенные рамки отношения к себе в нашем бытии-с друг другом, в зависимости от того, *кто и как мы есть в соответствующем отношении*. Так, когда я водитель, я тем самым задаю определенную размерность поведения другим участникам дорожного движения. Выйдя из машины и войдя в здание университета, я, как преподаватель, самим фактом своего присутствия (выказывая-себя при-деле) «требую» определенного отношения к себе от студентов, коллег и т. п.

Сказанное верно и касательно моего поведения в отношении Других, которые, выказывая-себя в бытии-с друг другом *как* некто, задают модальность моего поведения по отношению к ним. При этом, разумеется, конкретные пределы и рамки возможного поведения, а также его правовые последствия заданы соответствующей культурной, исторической и рядом иных ситуаций. Общим пределом, однако, при этом выступает Другой в его естестве. Иными словами, действуя в отношении Другого, я в правовом отношении должен действовать так, чтобы мои поступки не нарушали его возможности бытия-как. При этом необходимо иметь в виду, что поскольку я в своем бытии-с Другими коррелятивно связан с модусами их бытия, то, нарушая их возможности казания-себя при соответствующем деле, я в свою очередь разрушаю и свои возможности казания-себя «как» кого-то. Например, если я вместо чтения лекции рассказываю студентам анекдоты, я не только не даю им быть-как студенты, но и, в свою очередь, нигилирую свой модус бытия-как преподавателя.

Еще одним фактором, определяющим модальность отношения к Другому, является Третий. Как уже неоднократно подчеркивалось, в правовом отношении к Другому мы существуем как Любые, сколь на наше место всегда может заступить Третий. Соответственно, определяя модальность наших отношений как конкретный объем прав и обязанностей по отношению друг к другу, мы должны исходить из того, что как на нашем месте, так и на месте Другого может оказаться кто угодно — Третий. Поэтому, действуя по отношению к Другому и ожидая отношения к себе, нам следует действовать и оценивать поступки Других без всякой скидки на индивидуальные особенности: что мы были бы в подобной ситуации должны Любому и что мы могли бы требовать от него.

²⁴ Там же. С. 89 и далее.

²⁵ Левинас Э. От существования к существующему // Левинас Э. Тотальность и бесконечное. М., 2013. С. 23.

Конечно, А. В. Поляков прав в том отношении, что, в зависимости от конкретно-исторической ситуации, правовыми последствиями, например, убийства может быть и смертная казнь, и тюремное заключение, и изгнание либо выплата виры. И мы не можем говорить в абсолютном отношении, что смертная казнь будет соразмерным наказанием, а выплата возмещения — нет. Однако мы и не стремимся изложить некие вечные и абсолютные содержательные правила — это прерогатива классического естественного права. Задачей темпоральной онтологии права является, прежде всего, *установление некоего онтологически-смыслового алгоритма происходящего — смысла правового события как своеобразной «схемы его движения».*

Изложенная позиция, когда Другой, взятый как Любой, а также Третий задают направление, пределы и модальность наших поступков в бытии-с друг другом, является *экзистенциальной составляющей ответа.* Однако ведь А. В. Поляков спрашивает глубже: почему правовое (т. е. релевантное в правовом отношении) деяние (например, убийство) всегда влечет за собой ответное деяние — наказание? Какая соразмерность здесь заложена? Для ответа на эту часть вопроса следует перейти от экзистенциальной к онтологической составляющей темпоральной онтологии права.

Как следует из лекции, которая послужила поводом для критики А. В. Полякова, темпоральная онтология базируется на онтологическом (между правовым сущим и бытием права), а также постонтологическом (между правовым бытием и бытием права) правовых различиях. Правовое сущее при этом представляет собой все то, с чем мы имеем дело в сфере права, — физических и юридических лиц, законы, юридические институты, доказательства и пр. Правовой статус всему указанному сущему придается особым — правовым — способом его бытия. Данный модус бытия (бытие права) обусловлен вовлеченностью упомянутого сущего в правовое событие. В свою очередь, правовое событие в темпоральном отношении оказывается «растянутым» между правовым деянием и его правовыми последствиями (ответным деянием, соразмерным первичному), наступление которых «исчерпывает» правовое событие. Подобная исчерпанность возможна благодаря тому, что между правовым деянием и его последствиями имеется особого рода связь — так называемая «тяга», которая представляет собой чистое правовое бытие (без опоры на сущее), которая как бы «сшивает воедино» деяние и его правовые последствия.²⁶

Таким образом, онтологическим условием всякой возможной соразмерности между деянием и его правовыми последствиями как раз и служит чистое правовое бытие — «тяга», которая делает возможной связь между ними. Однако указанная позиция служит объектом активной критики А. В. Полякова, который пишет:

А. В. Стовба не только убежден, что определенному деянию на каком-то уровне бытия каким-то неизвестным образом соответствует набор определенных последствий, но и хочет убедить нас, что между ними (деянием и последствиями) существует некая «тяга». Он пишет, например, следующее: «...в совершенном правовом деянии имманентно уже содержится весь веер всех возможных правовых последствий. Собственно связь между ними, их взаимное притяжение, тяга, которая разворачивается

²⁶ Более полное изложение указанных воззрений см.: *Неклассическая философия права: вопросы и ответы.* С. 127 и далее.

в горизонте правового времени, и может быть названа правовым бытием» (с. 185).

Между тем любому непредвзятому исследователю совершенно ясно, что в самом деянии никаких последствий содержаться не может. Последствия определяются правовой нормой, которая устанавливает, какое деяние и при каких обстоятельствах влечет за собой определенные последствия. Поэтому и вся «тяга» между деянием и его последствиями есть лишь результат интерпретации соответствующего нормативного текста определенным субъектом, причем вытекающие отсюда социальные экспектации, при такой же интерпретации этого текста другими субъектами, превращаются в «ожидания ожиданий» (Н. Луман), т. е. во взаимные права и обязанности. «Тяга» есть результат правовой коммуникации, т. е. внутренне осмысленной и признанной логически и аксиологически связи между возможным и должным поведением субъектов. Поиск же источника «тяги» (между деяниями и их последствиями) на пути, вольно или невольно предлагаемом А. В. Стовбой, логически должен привести к малопродуктивному в научном плане выводу о наличии как у «деяния», так и у «последствий» магнитного поля, заставляющего эти феномены стремиться друг к другу с определенной скоростью.

Представляется, что в ходе критики А. В. Поляков не учитывает, что, как уже было сказано, в темпоральной онтологии права на место позитивной либо естественно-правовой нормы приходит Другой, который, в своем модусе бытия-как, коррелятивно сопряженном с соответствующим модусом нашего бытия, задает направленность наших поступков, ставит им предел и определяет их модальность. Иными словами, как только я совершил какое-то действие в отношении Другого как Любого, правовые последствия моего деяния *исходно* определяются не некоей авторитетной нормой, внешней касаясь моих отношений с Другим, но самим этим Другим, его «ре-акцией». Датский экзистенциалист Г. Кон приводит выразительный пример стычки двух лесорубов, когда один задел топором другого, а задетый в ответ поколотил первого. Таким образом, ситуация была исчерпана и разрешена без всяких исков о причинении ущерба и возмещения убытков.²⁷ Разумеется, из приведенного примера не следует, что общей нормой для всех лесорубов в подобной ситуации должна стать обязанность дать оплеуху незадачливому коллеге. Речь, скорее, идет о том, что «нормативный центр» правовой ситуации *исходно* содержится не в авторитетных велениях государства либо абстрактных законах разума, но в Другом как том, на кого направлено правовое (релевантное в правовом отношении) деяние, либо в соответствующей ситуации в целом.²⁸

Вообще, следует отметить, что сам феномен правонарушения как несоответствия поведения лица неким абстрактным предписаниям возник достаточно поздно: как минимум, с развитием сильной централизованной власти, воплощенной в фигуре монарха. Собственно, одним из признаков «классического» государства и становится монополизация последним насилия и правосудия, когда у людей отбирается право мстить, право самостоятельно преследовать по суду обидчика, своими силами выполнять решение суда и пр. В то же время, как отмечает М. Фуко, например,

²⁷ Cohn G. Existentialism and Legal Science. New York, 1967. P. 36.

²⁸ При этом, сколь участники правового события в ходе его свершений осуществляют своеобразный «обмен» деяниями, упомянутый «нормативный центр» события не жестко фиксирован, но может «сдвигаться», «передаваться» от одного участника к другому (в зависимости от того, на кого направлено последнее деяние).

в древнегерманском обществе правовой конфликт имеет истоком не правонарушение, а нанесение ущерба.²⁹

Следовательно, никакая норма не в силах *исчерпывающе* установить, «какое деяние и при каких обстоятельствах влечет за собой определенные последствия» (А. В. Поляков). Такой «нормой» может быть исключительно Другой как Любой в его бытии-с нами, который и осуществляет все те интерпретации и экспектации, о которых пишет А. В. Поляков.³⁰ Всякая же опора на нормативные тексты, обычаи, судебную практику будет носить в данном случае вторичный и производный характер. Ведь любой практикующий юрист согласится с тем, что если физическое либо юридическое лицо считает, что его интересы нарушены, и готово начать соответствующую тяжбу, то рано или поздно оно, скорее всего, добьется какой-либо сатисфакции, «задним числом» подогнав под свои требования соответствующие нормы.

Тем самым все «те взаимные права и обязанности», все «внутренне осмысленные и признанные логически и аксиологически связи между возможным и должным поведением субъектов», о которых упоминает А. В. Поляков, являются вторичной и производной реакцией субъектов, их рациональной рефлексией по поводу деяния Другого. Первичным же феноменом при этом выступает упомянутая «задетость» Другого деянием, которое «ставит его под вопрос» в соответствующем модусе бытия-с, т. е. возможное или действительное нанесение ему ущерба.

Вместе с тем, если исключить ссылки на логику и аксиологию, можно согласиться с высказанным А. В. Поляковым замечанием о том, что тяга есть связь между возможным и должным поведением субъектов. Нужно лишь при этом оговориться, что тот, кто действует первым, исходит из чистой возможности действия, в то время как Другой «должен» отвечать, уже учитывая специфику первичного деяния, «привязывая» свою «ре-акцию» (правовые последствия первичного деяния) к тому, что и как было совершено.

Следовательно, источником упомянутой «тяги» между деянием и его правовыми последствиями является правовая (релевантная в правовом отношении) природа самого этого первичного деяния. Критикуемое А. В. Поляковым утверждение, что «возможность правовых последствий имманентно заложена в деянии», следует понимать так, что правовые последствия (как «ре-акция» Другого на совершенное в отношении него) не самостоятельны, но носят вторичный и производный характер, будучи обусловлены первичным деянием. Иными словами, сколь Другой, манифестируя себя в соответствующем модусе бытия-как, задает направление, предел и модальность поступков по отношению к нему, столь и первичное деяние, сбываясь так, а не иначе, «требует» определенного отношения к себе, как бы «вытягивая», провоцируя Другого на встречное деяние. Конечно, как уже было сказано, содержательное наполнение этого

²⁹ Фуко М. Истина и правовые установления // Интеллектуалы и власть. М., 2005. С. 80.

³⁰ Критериев «правомерности» реакции на совершенное деяние в данном случае может быть два. Либо тот, на кого направлено ответное деяние, посчитал событие исчерпанным, воздержавшись от совершения ответных действий, либо же (если правовое событие не исчерпано ответным деянием), это может быть «ре-акция» Третьего, который всегда готов встать на место Другого. И в этом случае тот, на кого направлено ответное деяние Третьего, может либо «согласиться» с ним, исчерпав инцидент, либо продолжать действовать далее.

«вторичного деяния», т. е. правовых последствий совершенного, будет колебаться в зависимости от эпохи, культуры и т. п. Вместе с тем алгоритм происходящего, когда совершенное правовое деяние требует соразмерных себе правовых последствий, которые бы исчерпали соответствующее событие, остается неизменным. Парадоксальным образом лишь исчерпанность правового события и говорит о том, что право действительно сбылось.³¹

Таким образом, можно предположить, что упрек А. В. Полякова в том, что «Стовба не желает признаваться, что за его живописными метафорами скрываются давно известные юридические феномены (источник права, правовая норма, юридический факт, субъективные права и обязанности), которые хотя и по-разному, но давно уже описаны в литературе, а используемые им понятия не требуют искусственной антропологизации», является бесосновательным. В отличие от теории права, которая, формируя определенный понятийный каркас, направлена на обращение с сущим, философия права старается выйти на более изначальный — бытийный уровень, на котором весь аппарат правовой аксиоматики (источник права, правовая норма, юридический факт и пр.) оказывается призванным обозначать лишь вторичные и производные по своей сути явления.³² Поэтому необходимость фундаментальной онтологии М. Хайдеггера для философии права как раз и заключается в том, что она дает последней тот необходимый фундамент (бытийное основание, язык и метод), на котором лишь и возможно обосновать предметную область всякой возможной правовой науки — в том числе и теории права.

Подводя итоги, следует сказать, что критика А. В. Полякова, без сомнения, является острой и актуальной, за что я и приношу ему свою благодарность. Вместе с тем хотелось бы отметить, что действительно новое в правоведении возможно лишь в ходе превосхождения классического, теоретико-правового описания правовой реальности и обращения к современным философским концепциям. В противном случае правоведа ожидает та судьба, о которой столь выразительно писал сам А. В. Поляков: «Рационалистическая система знания о праве как система взаимообусловленных понятий или вращается в замкнутом логическом круге, или выходит за свои системные границы, явно или скрыто опираясь на металогические основания, имеющие ту или иную ценностную окраску».³³ Конечно подобный круг, как некая магическая пентаграмма, защищает исследователя от «философской ереси». Однако не является ли самодостаточный и замкнутый «рай» теории права тем «адам», который ожидает всякого, кто печется не об истине, но лишь о собственном спасении?

³¹ Неклассическая философия права: вопросы и ответы. С. 133. — Также см. лекцию, служащую объектом критики: Стовба А. В. Что есть право? // Правоведение. 2013. № 4. С. 183.

³² О соотношении предмета философии и теории права более подробно см.: Неклассическая философия права: вопросы и ответы. Монография. С. 153 и далее.

³³ Поляков А. В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход. СПб., 2003. С. 254.